

В. С. ДЯКИН

«ВЕК МАСС» И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КЛАССОВ (ВОПРОС О КЛАССОВОЙ СУЩНОСТИ ФАШИЗМА В ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)

Прошло уже более двадцати лет с тех пор, как под ударами Советской Армии рухнуло здание фашистского режима, установленного в Германии гитлеровской «национал-социалистической» партией. Однако проблема фашизма, его классовой характеристики, его социальной структуры не стала достоянием только историков. Опасность фашизма существует и в наши дни, проявляясь и в деятельности неонацистов в ФРГ и многих странах Западной Европы и Америки, и в тенденциях фашизации в ряде государств. Режимы фашистского типа по-прежнему находятся у власти в Испании и Португалии. Поняты поэтому интерес историков и социологов к изучению фашизма в его «классических» — итальянской и германской — формах, стремление понять (или, наоборот, затемнить) причины, порождающие фашистское движение и создающие условия для захвата фашистами власти.

Принципиальная марксистская позиция по этому вопросу была сформулирована еще в 1920—1930 гг. В программе Коммунистического Интернационала, принятой в 1928 г., указывалось, что условиями, в которых возникает и развивается фашистское движение, являются «неустойчивость капиталистических отношений, наличие значительных деклассированных социальных элементов, обнищание широких слоев городской мелкой буржуазии и интеллигенции, недовольство деревенской мелкой буржуазии, наконец, постоянная угроза массовых выступлений пролетариата».¹ После прихода Гитлера к власти XIII пленум Исполкома Коммунистического Интернационала (ИККИ) дал определение фашизма как «открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее импе-

¹ Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932. М., 1933, стр. 11—12.

ривалистических элементов финансового капитала». При этом в резолюции XIII пленума было подчеркнуто отличие фашистской диктатуры от других форм капиталистической реакции: «Фашизм пытается обеспечить за монополистическим капиталом массовый базис среди мелкой буржуазии, апеллируя к выбитому из колеи крестьянству, ремесленникам, саужакам, чиновникам, и в частности к деклассированным элементам крупных городов, стремясь проникнуть также в рабочий класс». Наконец, в резолюции XIII пленума ИККИ подчеркивалась сложность и неоднозначность процессов, происходящих в самом лагере финансового капитала в период, предшествующий установлению фашистской диктатуры, и указывалось, что «стремление фашизма к политической монополии усиливает в рядах господствующих классов раздоры и конфликты». ² Годом позже VII конгресс Коминтерна подтвердил характеристику природы фашизма, данную на XIII пленуме ИККИ, и одновременно исправил содержащиеся в решениях пленума ошибки, облегчая этим деятельность коммунистических партий, направленную на создание единого антифашистского фронта. VII Конгресс отметил особую реакционность германского фашизма, прикрывавшего националистической и социальной демагогией свою роль «прислужника крупной буржуазии». ³

Но как раз определение фашизма как наиболее реакционной формы диктатуры финансового капитала, четко и недвусмысленно возлагающее ответственность за преступления фашизма на буржуазную реакцию, оказывается неприемлемым для буржуазной историографии. Поэтому все изучение истории фашистских движений и фашистских режимов ведется буржуазными историками и социологами под знаком открытого или косвенного спора с марксистским анализом классовой сущности фашизма. В то же время неумолимая логика фактов заставляет тех историков, которые исходят не из желания обелить финансовую олигархию путем заведомой фальсификации, а из стремления действительно разобраться в существе явления, если и не принимать целиком марксистскую характеристику фашизма, то все в большей и большей степени учитывать ее.

В момент, последовавший непосредственно за крахом гитлеровского режима, в обширной литературе исторического, а чаще публицистического характера наибольшее распространение получил тезис о «коллективной вине» немецкого народа за преступления фашизма, выводивший причины установления фашистской диктатуры из особого «национального духа» немцев и трактовавший «национал-социализм» как чисто германское явление,

² XIII пленум ИККИ. Тезисы и постановления. М., 1934, стр. 6—7.

³ Резолюция VII Всемирного конгресса Коммунистического интернационала. М., 1935, стр. 11.

не имеющее аналогий в истории других стран. Этот тезис, идеологически близкий к теориям самих фашистов, имел целью растворить в «коллективной вине» народа действительную вину господствующих классов. Но научная и политическая несостоятельность такого рода концепции была настолько очевидна, что даже реакционные историки типа Ф. Майнеке и Г. Риттера выступили против нее и стали рассматривать фашизм как «феномен XX века», подчеркивая общеввропейские моменты социальной истории.

Начавшаяся «холодная война» наложила свой отпечаток на изучение истории фашизма. С одной стороны, усиливается влияние американской концепции «тоталитаризма». С работами этого направления мы еще столкнемся в дальнейшем изложении. С другой стороны, выпячивается личная роль Гитлера. Если в предшествующих работах по истории фашизма Гитлер выступал сначала как проявление особой «немецкой сущности», а затем как олицетворение «европейского кризиса», то после 1948 г. растет число книг и статей, на страницах которых Гитлер фигурирует уже как самостоятельная сила, и тезис о «коллективной вине» немцев сменяется тезисом о личной вине Гитлера и его ближайшего окружения.

Концепция, рассматривающая фашистский режим в Германии как дело рук только одного Гитлера, которая, кстати сказать, соответствует официальной фашистской доктрине,⁴ и по сей день оказывает большое влияние на западногерманскую историографию. Ее разделяют не только такие реакционные историки, как О. Вестфаль,⁵ называющий себя экс-фашистом, или Ф. Глум, для которого и сейчас еще Ноябрьская революция остается ненавистным «голодным буптом», совершенным «праздными матросами»,⁶ и который считает, что идея национал-социализма могла бы стать направляющей для ближайших веков германской истории, если бы не «маленькая группа людей, которая в расовом ослеплении низвела обоснованный лозунг национального социализма до понятия, означающего насильственное господство».⁷ Решающую причину победы Гитлера Глум видит в «демонических» свойствах его натуры, которой якобы никто не мог противостоять.

Эта концепция оказывает влияние и на историков, считающихся в ФРГ демократами, таких, как Г. Гизевиус⁸ или В. Хофер. «Если, — утверждает Хофер, — принять во внимание все причины и условия общего порядка, может ли это в конечном счете объяснить взлет национал-социализма? Без роковой лично-

⁴ См.: Der Neue Brockhaus. Bd. II, 1938, S. 147; Bd. III, 1939, S. 341.

⁵ O. Westphal. Weltgeschichte der Neuzeit. Stuttgart, 1953.

⁶ F. Glum. Der Nationalsozialismus. Werden und Vergehen. München, 1962, SS. 84, 105.

⁷ Там же, стр. 435.

⁸ H. B. Gisevius. Adolf Hitler, Versuch einer Deutung. München, 1963.

сти Гитлера он был... немислим».⁹ Такой подход определяет интерес к мельчайшим подробностям личной биографии Гитлера, наполняющим объемистую монографию Гизевиуса, буквально смакующего пикантные подробности о вероятном чешском или еврейском происхождении предков фашистского фюрера и подробно разбирающего возможные причины самоубийства его любовницы (и одновременно племянницы) Гели Раубаль. О степени научной значимости подобных исследований можно судить по утверждению Глума, будто первая попытка Гитлера добиться от Гинденбурга своего назначения канцлером потерпела неудачу потому, что Гитлер был «не в форме» из-за самоубийства Гели Раубаль, а Геринг в момент переговоров находился в Швеции у постели умирающей жены.¹⁰

Хотя преувеличение личной роли Гитлера в ряду причин, обусловивших появление на исторической арене фашизма и его приход к власти, типично для многих, если не для всех западногерманских историков, все же главное внимание в серьезных работах сосредоточивается на характеристике объективных предпосылок, сделавших возможной победу фашизма в Германии. Поскольку, однако, буржуазные историки отказываются при этом от марксистского метода классового анализа явлений, результаты их исследования объективных исторических условий, существовавших в Германии в период 1920—1930 гг., выливаются чаще всего в пользующуюся большим распространением в ФРГ концепцию «века масс».

Самый термин «век масс» вошел в употребление западногерманских историков еще на рубеже 40—50-х годов. В 1952 г. К. Миш назвал свою книгу «Германская история в век масс. От французской революции до сегодняшнего дня».¹¹ Позднее в работах реакционных философов, социологов и историков группы Ротфельса были разработаны основные положения этой концепции. Мы имеем, в частности, в виду монографии Г. Фрейера «Теория сегодняшнего века»,¹² В. Конце «История структуры технико-индустриального века как задача исследования и преподавания»,¹³ Т. Шидера «Государство и общество в изменениях нашего века»,¹⁴ К. Яспера «Атомная бомба и будущее людей».¹⁵

⁹ Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933—1945. Frankfurt am/M., 1957, S. 366.

¹⁰ F. Glum. Der Nationalsozialismus, S. 169.

¹¹ K. Misch. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Massen von französischer Revolution bis zum Gegenwart. Stuttgart, 1952.

¹² H. Freyer. Theorie des gegenwärtigen Zeitalter. Stuttgart, 1956.

¹³ W. Conze. Die Strukturgeschichte des technisch-industriellen Zeitalter als Aufgabe für Forschung und Unterricht. Köln—Opladen, 1957.

¹⁴ T. Schieder. Staat und Gesellschaft in Wandel unserer Zeit. München, 1958.

¹⁵ K. Jaspers. Die Atombombe und die Zukunft des Menschen. München, 1958.

Концепция «века масс» исходит из реально существующей тенденции возрастания роли народных масс в общественном развитии. В соответствии с этим период после Французской революции рассматривается как «век масс», когда решающее значение для исторических событий приобретает не воля отдельных «просвещенных» и занимающих высокое положение личностей, а воля больших социальных, национальных, конфессиональных и иных групп населения. Сторонники концепции «века масс» обходят, однако, вопрос о классах, предпочитая говорить о «бесструктурном массовом обществе». Это дает им возможность подменить вопрос о социальной революции вопросом об изменении внутри социальной структуры для того, чтобы объединить капитализм и социализм в понятие «индустриального общества».

Тем самым подводится методологическая основа под понятие «тоталитаризма», занимающее видное место в политических и исторических концепциях ФРГ. Под «тоталитаризмом» западногерманские (как и американские) историки подразумевают однопартийный государственный строй. Жонглируя термином «тоталитаризм», они отрывают фашистскую диктатуру от того строя, который ее породил, конструируя «принципиальную» разницу между фашизмом и империализмом. Одновременно, сознательно не желая видеть, интересы каких классов выражает государство в каждом конкретном случае, они пытаются подвести и фашизм, и коммунизм под понятие «тоталитарного режима», стремясь направить ненависть широких масс к фашизму на социалистические государства.

Причины установления «тоталитарных» режимов реакционные западногерманские историки видят в присущем «веку масс» росте влияния народных масс на общественное развитие, причем такое влияние рассматривается ими как вторжение слепой, стихийной силы, легко оказывающейся орудием злой воли того или иного лица или группы лиц. Именно в таком плане подаются в западногерманской историографии предпосылки установления гитлеровской диктатуры. Историки, считающие себя демократами, возлагают при этом ответственность на «антидемократические тенденции масс»,¹⁶ в то время как реакционные авторы выводят фашистскую идеологию из самого существа демократических идей коллективизма и равенства (или, как они предпочитают выражаться, «уровниловки»). Этот тезис является основным в книге католического монархиста Э. фон Кухельт-Леддина под характерным названием «Свобода или равенство. Вопрос судьбы для Запада»,¹⁷

¹⁶ E. Faul. Hitlers über-Machiavellismus. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1954, N. 4, S. 351.

¹⁷ E. von Kuchelt-Leddin. Freiheit oder Gleichheit. Schicksalsfrage des Abendlandes. Salzburg, 1953 SS. 327, 366, 395.

а также у В. Мартини, назвавшего Гитлера наиболее последовательным демократом.¹⁸

Одним из наиболее активных приверженцев доктрины «тоталитаризма» является видный западногерманский историк, профессор университета в Боине К. Д. Брахер, опубликовавший недавно книги «Национал-социалистский захват власти» (написанную в соавторстве с В. Зауэром и Г. Шульцем)¹⁹ и «Германия между демократией и диктатурой».²⁰ Рассматривая «тоталитарное движение» как «дитя демократического века»,²¹ Брахер выводит его истоки из Французской буржуазной революции, положившей начало, по его словам, веку массовых движений и массовых идеологий.

При анализе конкретно-исторических причин, вызвавших особенное распространение того, что Брахер именует «тоталитарным движением» в Германии, он высказывает целый ряд совершенно здравых мыслей. Он связывает особую реакционность германского буржуазного национализма с тем, что он зародился в обстановке борьбы против французского господства в эпоху наполеоновских войн и сочетался в результате этого с отрицанием идей французской революции, и с тем, что после поражения германской буржуазии в 1848 г. германское единство было осуществлено в форме прусско-юнкерского псевдоконституционного государства. Под влиянием успехов Бисмарка германская буржуазия, как отмечает Брахер, восприняла циничную идею «реальной политики», опирающейся на голую силу. Во внутренней политике бисмарковская система не дала развиваться нормально функционирующему парламентаризму, помешала буржуазии приобрести опыт сотрудничества с социал-демократией и профсоюзными. Во внешней политике Германия была «запоздавшей нацией», стремившейся к захвату колоний и господству в Центральной Европе. Без прусских военных и государственных традиций, подчеркивает Брахер, нельзя себе представить создание в Германии «тоталитарного» государства.²²

Подчеркивание реакционности прусских традиций имеет, бесспорно, положительное значение, хотя, видя причины победы фашизма в особенностях германского развития в XIX в., Брахер тем самым смазывает принципиальное отличие этой эпохи от периода общего кризиса капитализма, породившего фашизм как социальное явление. Но дело, однако, заключается не только

¹⁸ W. Martini. Des Ende aller Sicherheit. Eine Kritik des Westens. Stuttgart, 1954, S. 94.

¹⁹ K. D. Bracher, W. Sauer, G. Schulz. Die nationalsozialistische Machtergreifung. Studie zur Errichtung des totalitären Herrschaftsystems in Deutschland 1933/1934. Köln, 1960.

²⁰ K. D. Bracher. Deutschland zwischen Demokratie und Diktatur. Beiträge zur neueren Politik und Geschichte. München, 1964.

²¹ Там же, стр. 146.

²² Там же, стр. 153—156, 160.

в этом. Указанные выше причины рассматриваются Брахером лишь как дополнительные по отношению к общеевропейским предпосылкам «тоталитаризма», вырастающим из открытого Французской революцией «века масс». Такими предпосылками Брахер считает «социализацию» и «политизацию» всех граждан, т. е. втягивание все более широких слоев населения в классовые и политические конфликты современного общества, усиление идеологической пропаганды, появление воинствующего национализма, распространение милитаристского духа в массах с образованием народных армий в результате всеобщей воинской повинности.²³

С таким участием широких масс в политической жизни, с одной стороны, и с распространением в Германии в силу особенностей ее исторического развития антидемократических идей²⁴ — с другой, Брахер и связывает появление «тоталитарного» национал-социализма, определяя его как «большое всемирно-историческое контрдвижение против Французской революции со всеми ее последствиями, движение против либерализма и свободной демократии, против гражданских и человеческих прав, против западной цивилизации и международного социализма». При этом в соответствии со своей концепцией Брахер отодвигает анти-социалистический характер фашизма на задний план и утверждает, что «смысл национал-социалистской революции в первую очередь в уничтожении либерализма и индивидуализма».²⁵

В приоритете присущего якобы фашистской идеологии «духа коллективизма» над индивидуальной свободой видят существо фашизма и католические историки, отождествляющие его в этом отношении не только с коммунизмом, но и с социализмом вообще. Уже упоминавшийся Кухель-Леддин находит общее между фашизмом, социализмом и этическим национализмом в том, что все эти идеологии, выводимые им из наследия Французской революции, были враждебны католической церкви, материалистичны, антимонархичны, ставили своей целью построение нового общества, основанного на коллективизме.²⁶ Аналогичные позиции занимает иезуитский историк И. Лотц в статье «Современные диктатуры с философско-исторической точки зрения».²⁷ Католические историки упрекают в подготовке фашистской идеологии своих лютеранских противников. В ряде работ акцент делается на общем ослаблении позиций христианства как на причине распространения фашистских идей.²⁸

²³ Там же, стр. 146.

²⁴ Там же, стр. 154.

²⁵ Там же, стр. 147.

²⁶ E. von K u c h e l t - L e d d i n. Freiheit oder Gleichheit, S. 327.

²⁷ J. B. L o t z. Die moderne Diktatur in philosophisch-geistesgeschichtlicher Sicht. Stimmen der Zeit, 1953, Mai, SS. 81—96.

²⁸ Grosse Herder, Bd. VI, S. 988; Golo Mann, Deutsche Geschichte in 19 und 20 Jahrhundert. Frankfurt am/M., 1958, S. 6; Nationalsozialismus, SS. 17—18.

Концепция «века масс» пронизывает и всю книгу Г. Франц-Виллинга «Гитлеровское движение. Происхождение. 1919—1922».²⁹ Переключившийся с изучения культуркампфа в Германии и немецкого либерализма в Австро-Венгрии на историю первых лет гитлеровского движения автор излагает эту концепцию следующим образом: «Век мировых войн и мировых революций есть век масс. Вследствие изменившегося в результате промышленной революции и все еще изменяющегося образа жизни и вследствие тесно связанного с промышленной революцией скачкообразного прироста населения массы играют постоянно возрастающую роль. . . Век масс есть век безбожия, идеологий и больших сильных личностей, в которых олицетворяется воля масс к власти. . . Они (массы, — В. Д.) хотят не думать, а верить, не разговаривать, а действовать, не дискутировать, а повиноваться. Господство масс осуществляется в господстве личностей».³⁰ Исходя из этого, Франц-Виллинг рассматривает фашизм как «современное массовое движение», теснейшим образом связанное с судьбой Гитлера, который «был вызван, создан, сформирован массами» и являлся их выразителем (медиумом).³¹

С аналогичными утверждениями выступают и многие другие западногерманские историки. В недавно вышедшей книге «Непреодоленная история. Этапы немецкой судьбы после 1763 г.» Г. Шёпе (специалист по историко-религиозным сюжетам) заявляет, что «национал-социализм как народное движение был. . . самым типичным проявлением века масс».³² Автор большой и во многих частных выводах очень интересной книги «Антидемократические идеи в Веймарской республике» К. Зонтеймер также считает, что «национал-социализм поднялся из антидемократических, антилиберальных, антикапиталистических настроений в немецком народе» и «как народное движение, охватывающее широкие массы, был в этом смысле движением этих масс».³³ Со своей стороны, Г. Мау и Г. Краусник видели причину успеха фашизма в том, что после краха привычных представлений о мире, вызванного поражением Германии в войне и революцией, «мир снова, казалось, становился обозримым и понятным в больших упрощениях национал-социалистской концепции. Она устанавливала простые мерилы для того, что есть добро и что зло, что ценно и

²⁹ G. Franz - Willing. Die Hitlerbewegung. Der Ursprung. 1919—1922. Hamburg—Berlin, 1962.

³⁰ Там же, стр. 5—6.

³¹ Там же.

³² H. J. Schoeps. Unbewältigte Geschichte. Stationen deutschen Schicksals seit 1763. Berlin, 1964, S. 175.

³³ K. Sontheimer. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 und 1933. München, 1962, S. 376.

что не имеет цены, что черное и что белое. Именно это люди снова хотели знать».³⁴

Антидемократический характер концепции «века масс» проявляется в том, что она ведет к попыткам подменить ответственность монополистического капитала коллективной виной масс, протекающей, правда, не из национальных особенностей немцев, как утверждали авторы первых послевоенных работ, а из социально-психологических и идеологических особенностей развития массовых движений в современную эпоху. Уже в 1948 г. «неолиберал» В. Рёпке прямо говорил о виновности народных масс в победе фашизма и выступал против «легенды о злых капиталистах»,³⁵ а сын лидера брауншвейгских националистов, образовавших уже в 1930 г. коалиционное земельное правительство с участием фашистской партии, Э. А. Ролоф в книге «Буржуазия и национал-социализм» заходит еще дальше в этом противопоставлении, заявляя: «В демократии решают настроения и образ мыслей масс, с их помощью Гитлер одержал победу, в том числе победу над буржуазией, ибо бюргер всегда является первым объектом нападения массы».³⁶

Всякая попытка возложить ответственность за установление фашистской диктатуры и за агрессивную политику гитлеровской Германии на монополию встречается в ФРГ в штыки и объявляется «пособничеством ульбрихтовской пропаганде». Именно так была охарактеризована вышедшая в 1960 г. в США и получившая широкое распространение книга В. Ширера «Подъем и падение третьей империи»,³⁷ автора которой боннский журнал «Politisch-soziale Korrespondenz» немедленно обвинил в пользовании «московским жаргоном».³⁸ С резкими нападками на Ширера выступил и глава наиболее реакционной группировки западногерманских историков Г. Ротфельс.³⁹ Такая же судьба постигла в прошлом книгу Уиллер-Беннета «Возмездие власти».⁴⁰ Западногерманские историки, возлагающие на народные массы вину за победу гитлеризма, обвиняют в «травле немцев» и «нарушении западного единства» тех своих европейских и американских коллег, которые ищут корни фашизма в политике буржуазной реакции.

При всем том концепция «века масс» в приложении к конкретно-историческим исследованиям означает некоторый шаг вперед

³⁴ H. M a u, H. K r a u s n i c k. Hitler und der Nationalsozialismus. Rasso Deutsche Geschichte im Überblick. Stuttgart, 1962, S. 680.

³⁵ W. R ö p k e. Die deutsche Frage. 1948, S. 38.

³⁶ E. A. R o l o f f. Bürgertum und Nationalsozialismus 1930—1933. Braunschweiger Weg ins Dritte Reich. Hannover, 1961, S. 18.

³⁷ W. S h i r e r. The Rise and the fall of the Third Reich. N. Y., 1960.

³⁸ Politisch-soziale Korrespondenz, 1962, № 1, S. 12.

³⁹ Vierteljahrshelte für Zeitgeschichte, 1962, H. 1, S. 96.

⁴⁰ J. W. W h e l l e r - B e n n e t. Die Nemesis der Macht. Düsseldorf, 1954.

в западногерманской буржуазной историографии, требуя от своих сторонников более глубокого изучения явлений, прежде всего массовых идеологий и социальной психологии. Здесь историки ФРГ, занимающиеся проблемами фашизма, добились определенных результатов, ценность которых нельзя отрицать, несмотря на неверность схем, ради построения которых используются эти результаты. Большое внимание уделяется в западногерманской историографии изучению идейной атмосферы, сделавшей значительные массы населения страны восприимчивыми к фашистской демагогии. При этом явно намечены два направления в таком изучении.

Одно, представленное среди недавно опубликованных работ уже цитированной книгой Ф. Глума «Национал-социализм. Возникновение и исчезновение» и книгой В. Конце «Немецкая нация — результат истории»,⁴¹ сосредоточивает внимание на националистических корнях фашизма. Оба автора подчеркивают связь особой остроты развития национализма в Германии с поздним образованием единого германского национального государства, созданного в конечном итоге не в результате буржуазно-освободительного демократического движения, а в результате бисмарковской политики «железа и крови». Из затянувшейся борьбы за создание единого государства Глум выводит присущий реакционным идеологическим течениям в Германии культ государства,⁴² а Конце — различие в трактовке понятия «нация» и «народ» в националистических теориях германского и «европейского» происхождения. Конце считает, что в отличие от «европейского» (под которым он подразумевает французское и английское) понятия «нации», рассматривавшего ее как совокупность населения данной страны, германское понятие «народ», легшее в основу националистических идей, обнимало всех людей, говорящих на немецком языке, независимо от государственных границ. Это обстоятельство сыграло большую роль в распространении фашизма среди немецких меньшинств в других странах Европы.⁴³

Хотя и Глум, и Конце подчеркивают большую роль, которую сыграли в усилении националистических идей мировая война и поражение Германии, они рассматривают фашизм как явление, непосредственно вытекающее еще из довоенного национализма. Для обоих авторов характерно стремление не только объяснить, но и оправдать германский национализм. Конце открыто объявляет несправедливым решение в 1918 г. вопроса о восточных границах Германии, в особенности о Судетской области.⁴⁴ Показательно, что все без исключения западногерманские авторы,

⁴¹ W. Conze. Die deutsche Nation. Ergebnis der Geschichte. Göttingen, 1963.

⁴² F. Glum. Der Nationalsozialismus, S. 435—436.

⁴³ W. Conze. Die deutsche Nation. . . , SS. 111—113.

⁴⁴ Там же, стр. 120, 142—143.

пишущие о роли националистических идей в возникновении и распространении фашизма после 1918 г., избегают термина «реваншизм», более точно определяющего существо дела, но зато и слишком актуально звучащего в нынешних условиях ФРГ.

Другое направление в западногерманской историографии подчеркивает связь фашизма с политическими идеями Веймарского периода. Здесь прежде всего следует назвать уже упоминавшуюся книгу К. Зонтеймера «Антидемократические идеи в Веймарской республике». Автор подробно исследует мировоззрение основных антидемократических течений в Веймарской республике — традиционного национализма, уходящего корнями в кайзеровскую империю, младоконсерватизма, или идеологии «консервативной революции», расистских теорий и национал-социализма. Подчеркивая, что фашистская «идеология» не представляла собой связной системы и что фашизм нельзя рассматривать как «идейный феномен», поскольку для Гитлера главным были не идеи, которыми он манипулировал ради привлечения масс, а стремление к власти,⁴⁵ Зонтеймер в то же время указывает на большую роль взглядов идеолога «консервативной революции» А. Мёллера ван ден Брука (название книги которого «Третий рейх» было затем подхвачено фашистами в качестве лозунга), способствовавших принятию фашизма реакционной частью немецкой интеллигенции. Зонтеймер подчеркивает, что несмотря на колебания консервативной интеллигенции (перед ее переходом на фашистские позиции) и несмотря на последовавшую затем гибель многих представителей младоконсерватизма в гитлеровских концентрационных лагерях, созданный Гитлером фашистский режим был наиболее последовательным выражением тех идей, которые вынашивались теоретиками «консервативной революции».⁴⁶

В отличие от Зонтеймера Г. Швирскотт в своей диссертации «Артур Мёллер ван ден Брук и основы младоконсерватизма в Веймарской республике»⁴⁷ подчеркивает отличие взглядов идеолога «консервативной революции» от официальной доктрины фашистской партии.

Один из основных методологических пороков исследований, посвященных идейным истокам и компонентам фашизма, заключается в отрыве идеологических явлений от социально-экономического базиса, стремление рассматривать развитие идей как самодовлеющий процесс. Эта тенденция достаточно ясно видна во всех упомянутых выше работах, а Зонтеймер прямо декларирует ее в качестве принципа, положенного в основу его книги.

⁴⁵ K. S o n t h e i m e r. Antidemokratisches Denken. . . , SS. 169—170, 179.

⁴⁶ Там же, стр. 359, 370—371.

⁴⁷ H. J. S c h w i e r s k o t t. Artur Moeller van den Bruck und der Jungkonservatismus in der Weimarer Republik. Eine Studie über Geschichte und Ideologie des revolutionären Nationalismus. Erlanger, 1960.

«В центре внимания этой работы,— предупреждает он читателей,— стоят не антидемократические группы, но антидемократические идеи».⁴⁸ Слабость позиции Зонтеймера немедленно обнаруживается, как только он связывает гибель Веймарской республики не с обострением классовых противоречий в ней, а с «существованием антидемократических идей», обусловленность которых социальной структурой республики остается вне его поля зрения.

Большое внимание в целом ряде работ уделяется социальной структуре фашистского движения, его массово-психологической характеристике. Много интересных наблюдений в этом плане содержится в вышедшей в 1955 г. книге Брахера «Разложение Веймарской республики»,⁴⁹ а также в работах В. Шефера,⁵⁰ В. Клозе,⁵¹ Г. Гофмана,⁵² В. Гёрлица.⁵³ Во всех этих книгах высказывается ряд верных мыслей о психологии мелкой буржуазии, об особенностях настроений германской молодежи, о большой роли, которую сыграли в привлечении молодежи на сторону фашизма мифы об «ударе в спину», нанесенном якобы германской армии революцией 1918 г., о «без боя побежденной армии». В то же время для них характерно стремление рассматривать фашизм как чисто мелкобуржуазное движение. Поэтому делается чрезмерный упор на «антикапиталистические» моменты мелкобуржуазной психологии и по возможности стирается отличие фашистского движения от мелкобуржуазных течений XIX—начала XX в.

Так, Франц-Виллинг считает фашизм продолжением существовавшего еще до войны движения среднего сословия, в котором оно «начало объединяться против опасности, угрожавшей его существованию и вытекавшей из промышленной революции».⁵⁴ Справедливо отметив промежуточное положение мелкой буржуазии в капиталистическом обществе, Франц-Виллинг, однако, видит главное отличие фашизма от довоенных мелкобуржуазных течений в том, что «антикапиталистические стремления. . . искали в нем нового пути для своего выражения после того, как социал-демократия в этом ренансируемом вопросе оказалась неспособной».⁵⁵

Бесспорно, что в головах мелкобуржуазных приверженцев фашизма, в особенности на его раннем этапе, реваншистско-на-

⁴⁸ K. S o n t h e i m e r. Antidemokratisches Denken. . . , S. 13.

⁴⁹ K. D. B r a c h e r. Die Auflösung der Weimarer Republik. Stuttgart, 1955.

⁵⁰ W. S c h ä f e r. NSDAP. Entwicklung und Struktur der Staatspartei des Dritten Reiches. Hannover, 1956.

⁵¹ W. K l o s e. Hitler. Ein Bericht für junge Staatsbürger. Tübingen, 1961.

⁵² H. H o f m a n n. Der Hitlerputsch. Kriesenjahre deutscher Geschichte. 1920—1924. München, 1961.

⁵³ W. G ö r l i t z. Adolf Hitler. Göttingen, 1960.

⁵⁴ G. F r a n z - W i l l i n g. Die Hitlerbewegung, S. 136.

⁵⁵ Там же, стр. 235.

ционалистические идеи и яркая враждебность по отношению к рабочему движению уживались с недовольством против господства крупного капитала, подавлявшего и мелкую буржуазию. Отсюда вытекали лозунги борьбы против «процентного рабства» и т. п. Это обстоятельство сыграло немалую роль в распространении влияния фашизма. Но подчеркивание «антикапиталистических» моментов во взглядах приверженцев фашистской партии ведет, сознательно или неосознанно, к затушевыванию основного вопроса: чьим интересам служило фашистское движение.

Подобно тому как Глум и Конце не только объясняют, но и оправдывают немецкий национализм, Франц-Виллинг стремится не только объяснить, но и оправдать психологические мотивы, толкавшие определенные круги германской молодежи (Франц-Виллинг говорит о молодежи вообще) к фашизму. Програнная война, утверждает он, отняла у германской молодежи будущее. В результате утраты после войны 1914—1918 гг. немецких колоний и восточных областей, продолжает он, молодежь была лишена возможности приложить свои способности, а так как государство не находило силы решительно ответить «нет» французской политике, молодежь устремилась в различные военные союзы. Потеряв веру в вождя государства, молодежь искала своего вождя и нашла его в Гитлере. Он пришел из миллионных масс, «он пришел как пролетарий, как безмятный фронтовик, как человек народа», «он выражал их чувства, их желания, их надежды».⁵⁶ Так концепция «века масс» выступает как оправдание реваншизма, распространяющего свои устремления далеко за пределы границ 1937 г., составляющих предмет официальных притязаний боннских властей.

Чрезмерное увлечение психологическими характеристиками и подмена ими анализа объективных социально-экономических предпосылок фашизма сказываются и на работах историков, старающихся честно разобраться в природе фашистской диктатуры, например на книге бывшего руководителя популярной в ФРГ либеральной телевизионной программы «Панорама» И. Феста «Облик третьей империи. Профили тоталитарного господства». Фест не смог освободиться от влияния концепции «века масс».⁵⁷

Хотя все западногерманские историки указывают на поражение Германии в войне и на Ноябрьскую революцию как на факторы, сыгравшие большую роль в возникновении фашистского движения, теоретические построения, связывающие фашизм с процессами, порожденными Великой французской революцией, или с падением христианской веры, концентрируют внимание не на том новом, что внесла в социальную структуру буржуазного общества эпоха общего кризиса капитализма, а на чертах, присущих периоду капитализма в целом. Кроме названных выше

⁵⁶ Там же, стр. 236—237.

⁵⁷ J. F e s t. Das Gesicht des Dritten Reiches. Profile einer totalitären Herrschaft. München, 1963, SS. 11, 339.

работ Брахера, Кухельт-Леддина, Лотца и др., такая же тенденция характерна для Г. Гофмана⁵⁸ и многих других. Это позволяет историкам уйти от анализа специфических социальных условий Веймарской республики, породивших фашизм и сделавших его орудием финансовой олигархии.

Но непосредственная связь фашизма именно с периодом новейшей истории настолько бросается в глаза, что и буржуазные историки, если только они не заморожены жупелом «тоталитаризма», должны были поставить перед собой вопрос, в чем же именно состоит такая связь. Интересную попытку ответить на этот вопрос в рамках концепции «века масс» предпринял Г. А. Рейн в брошюре «Бонапартизм и фашизм в немецкой истории», выпущенной в серии «Историко-политические тетради общества Ранке».⁵⁹ Он проводит различие между антиреволюционными (консервативными) и контрреволюционными силами, к последним он относит бонапартизм и фашизм. Подобное разграничение, часто встречающееся у западногерманских историков, имеет и реальные исторические, и политические основания, о которых еще будет идти речь. Разницу между консервативными и контрреволюционными силами Рейн видит в том, что первые стремятся к сохранению или реставрации старого порядка, тогда как вторые, выступая против революции, не исключают принятия отдельных ее элементов. Когда, пишет Рейн, революция идет к концу, когда затронутые ею массы не могут больше переносить нужду, насилие, отсутствие безопасности и т. п., тогда приходит час контрреволюции. Поскольку, однако, успешная революция уже создала новое общество, «для легитимизма не остается больше возможности, реставрации удаются редко. Так появляется возможность для восхождения первого и третьего Наполеонов как контрреволюционеров, так же как Муссолини, Гитлера и других авторитарных диктаторов».⁶⁰

Рассматривая и бонапартизм, и фашизм как контрреволюционные движения, предпосылками которых являлись страх масс перед анархией, их стремление к восстановлению порядка, авторитета и благосостояния,⁶¹ Рейн указывает и на их отличие, характеризуя бонапартизм как контрдвижение, направленное против «буржуазно-либеральной», а фашизм — против «пролетарско-социальной» революции.⁶² Отсюда Рейн выводит основные признаки, отличающие, по его мнению, фашизм от бонапартизма, — коллективистский принцип, порожденный необходимостью борьбы против хорошо организованных рабочих партий

⁵⁸ H. Hofmann. Der Hitlerputsch, S. 29.

⁵⁹ G. A. Rein. Bonapartismus und Faschismus in der deutschen Geschichte. Göttingen, 1960.

⁶⁰ Там же стр. 5—6.

⁶¹ Там же, стр. 6.

⁶² Там же, стр. 1.

и профсоюзов, создание всепроникающей единой партии, необходимой для подготовки гражданской войны против «рабочих батальонов» и овладения государственным аппаратом, корпоративизм, приспособление идеологии к эпохе социалистических революций (спекуляция на понятиях «социализм» и «пролетариат»).⁶³ Сосредоточив внимание на массовом характере фашистского движения, Рейн ни слова не говорит о буржуазии.

Подобно Рейну, Э. Нольте в статье «К феноменологии фашизма»,⁶⁴ являющейся как бы авторефератом изданной им затем книги «Фашизм в его эпоху», ставит перед собой задачу выделить признаки фашизма, отличающие его от других реакционных режимов. Он отбрасывает как недостаточные определения, связывающие существо фашизма с антисемитизмом или антипарламентаризмом.⁶⁵ Анализируя фашистскую идеологию и подчеркивая, что социальный мотив в фашистской демагогии в каждом случае занимает подчиненное место по сравнению с национальным, Нольте в то же время выступает против трактовки фашизма как обостренного национализма, проследивая его международный характер.⁶⁶ Главным в фашизме Нольте считает его антимарксистскую направленность,⁶⁷ а хронологически связывает возникновение фашизма с периодом новейшей истории, подчеркивая, что все фашистские группировки во всех странах выросли из первой мировой войны и революции.⁶⁸

При характеристике фашизма Нольте, с одной стороны, обращает внимание на те моменты организации фашистской партии, методы ее проникновения в массы, которые вызваны необходимостью борьбы против высокоразвитого рабочего движения. С другой стороны, Нольте, несмотря на все оговорки, придает чрезмерно большое значение элементам социальной демагогии фашизма и позволяет себе называть фашистскую идеологию «противопоставленной и все же смежной» по отношению к марксизму.⁶⁹ Такое заведомое искажение истины нужно ему потому, что он уже не косвенно, путем умолчаний, а в открытую ополчается против марксистского определения классовой сущности фашизма и заявляет, что фашизм нигде не выступает как дело рук крупной буржуазии.⁷⁰

То обстоятельство, что именно Нольте выступил с прямыми возражениями против определения фашизма, данного XIII пленумом ИККИ, не случайно. Историки, выводящие сущность

⁶³ Там же, стр. 23—24.

⁶⁴ E. N o l t e. Zur Phänomenologie des Faschismus. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1962, Н. 4.

⁶⁵ Там же, стр. 386, 402.

⁶⁶ Там же, стр. 394, 397—398.

⁶⁷ Там же, стр. 402.

⁶⁸ Там же, стр. 378.

⁶⁹ Там же, стр. 402.

⁷⁰ Там же, стр. 384, 400.

фашизма из националистической идеологии, из государственно-правовых концепций и др., считают себя вправе обходить вопрос о роли финансового капитала и ограничиваться общими заявлениями об «узости» марксистского социально-экономического анализа, не учитывающего, дескать, иррациональной и антирациональной идеологии XIX и XX вв., «революционных» компонентов фашизма и т. п.⁷¹ Но признание взаимосвязи между вступлением Европы в эпоху социалистических революций и появлением фашизма как контрреволюционного движения, присущего именно этой эпохе, вплотную подводит к проблеме ответственности финансового капитала, заставляя или признавать ее, или вступать в открытую полемику.

Отдельные аргументы, обычно выдвигаемые буржуазной историографией против марксистского определения фашизма, встречаются во многих из называвшихся выше работ, специально же развернутой полемике посвящены статья И. Фетшера «Фашизм и национал-социализм. К критике советско-марксистского понятия фашизма»⁷² и диссертация Р. Бека «История Веймарской республики в зеркале историографии советской зоны»⁷³ (как автор именуется ГДР).

Аргументация западногерманских историков сводится в общих чертах к следующему.

1. Для того чтобы определить сущность фашизма, нужно анализировать начальный этап его развития, а не период, когда он находится у власти.⁷⁴

2. Главное в фашизме — массовый характер движения и применение новейших способов и средств пропаганды.⁷⁵ «Современные средства транспорта и связи, автомобиль, самолет, громкоговоритель, радио, — пишет Гёрлиц, — без этих технических средств нельзя объяснить успех Гитлера».⁷⁶

3. Фашизм резко противостоит традиционному консерватизму (буржуазно-юнкерский характер которого признается западногерманскими историками). Победа фашизма стала возможной не благодаря союзу с консервативными элементами, а из-за того, что они были ослаблены в результате Ноябрьской революции. Отсюда распространенные у западногерманских авторов сожаления по поводу падения монархии, которая якобы была в глазах немцев гарантией правовых принципов и могла предотвратить победу

⁷¹ См.: Der Nationalsozialismus, S. 364; K. D. Bracher. Deutschland zwischen Demokratie und Diktatur, S. 39.

⁷² J. Fetscher. Faschismus und Nationalsozialismus. Zur Kritik des sowjetmarxistischen Faschismusbegriff. Politische Vierteljahresschrift, 1962, H. 1.

⁷³ R. Beck. Die Geschichte der Weimarer Republik im Spiegel der sowjetsonalen Geschichtschreibung. Stuttgart, 1963.

⁷⁴ E. Nolte. Zur Phänomenologie des Faschismus, S. 382.

⁷⁵ F. Glum. Der Nationalsozialismus, S. 162.

⁷⁶ W. Görlich. Adolf Hitler, S. 75.

фашизма.⁷⁷ Рейн в этой связи даже позволил себе заявить, будто «те, кто несет ответственность за свержение монархии в Германии, несут также существенную часть вины за возвышение и единовластие Гитлера».⁷⁸

4. Крупный капитал не играл существенной роли в развитии фашистского движения. Оно финансировалось не классом капиталистов, а его отдельными представителями, действовавшими по заблуждению.⁷⁹ При этом имеются определенные различия в аргументации. Глум решается попросту отрицать тесные связи между фашистами и крупной буржуазией, по крайней мере в 20-х годах,⁸⁰ а Ф. Лютге вообще утверждает, что крупная буржуазия не играла значительной роли в формировании общественной структуры в Германии.⁸¹ В. Трейе и Хофер заявляют, что большая часть буржуазии была либо враждебна фашизму, либо аполитична и лишь безвольно последовала затем за гитлеровскими планами.⁸²

Фетшер и Бек не могут себе позволить спорить против очевидных фактов и признают связи между фашистской партией и крупными капиталистами. Бек, однако, пишет, что хотя факты финансирования НСДАП крупным капиталом бесспорны, магнаты тяжелой индустрии тем не менее не подготавливали прихода фашистов к власти.⁸³ Кроме того, он пытается найти противоречие между характеристикой фашизма как диктатуры финансового капитала и тем обстоятельством, что наиболее тесные связи с гитлеровской партией существовали лишь у определенной группы монополий — угольных и металлургических, тогда как электротехнические и химические концерны в большей степени поддерживали Веймарскую республику. На этом основании Бек старается «уличить» историков ГДР, признающих такое различие позиций германских монополий, в том, что они отошли от определения, данного XIII пленумом ИККИ, и поставить под сомнение ответственность крупной буржуазии как класса в целом.⁸⁴

Аналогичным образом поступает и Фетшер, заявляющий, что «эпоха добровольной и лояльной совместной работы между либеральной крупной буржуазией и фашизмом в Германии едва ли

⁷⁷ F. G l u m. Der Nationalsozialismus, SS. 106—107; H. J. S c h o e p s. Unbewältigte Geschichte. . ., S. 181; W. G ö r l i t z. Adolf Hitler, SS. 100—101.

⁷⁸ G. A. R e i n. Bonapartismus und Faschismus. . ., SS. 31—32.

⁷⁹ H. B. G i s e v i u s. Adolf Hitler. . ., S. 140.

⁸⁰ F. G l u m. Der Nationalsozialismus, S. 155.

⁸¹ F. L ü t g e. Deutsche Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Berlin—Göttingen, 1960, S. 469.

⁸² W. T r e u e. Deutsche Geschichte von den Anfängen bis zum Ende des zweiten Weltkrieges. Stuttgart, 1958, S. 722; W. H o f e r. Die Diktatur Hitlers bis zum Beginn des zweiten Weltkrieges. Konstanz, 1960, SS. 120—121.

⁸³ R. B e c k. Die Geschichte der Weimarer Republik. . ., S. 316.

⁸⁴ Там же, стр. 306—309, 317—319.

существовала. Поддержка следовала большей частью исключительно от известных представителей тяжелой индустрии». ⁸⁵ Он также имеет в виду чисто денежную поддержку, а вину за расчистку Гитлеру пути к власти возлагает не на предпринимателей, а на «влиятельных лиц» в армии и в государственном управлении, «образ мыслей которых был еще докапиталистическим». ⁸⁶

5. Буржуазия не нуждалась в фашизме для борьбы с угрозой социалистической революции, поскольку ни в Италии в 1922 г., ни в Германии в 1933 г. такой угрозы не существовало. ⁸⁷ Напротив, победа фашизма опасна для самой буржуазии, поскольку ей неминуемо угрожает нападение поддерживающих фашизм масс ⁸⁸ и поскольку представители высших социальных слоев при любом режиме в большей степени подвергаются угрозе террора, чем массы простого населения. ⁸⁹

6. С победой фашизма его партийная элита образует совершенно новый господствующий класс, ⁹⁰ опирающийся не прямо на владение средствами производства на основе частной собственности, а на административную, военную и идеологическую власть. ⁹¹

Опираясь на эту аргументацию, Фетшер противопоставляет марксистскому определению фашизма свое, заключающееся в утверждении, будто «фашизм в своей идеальной форме есть господство радикального меньшинства, состоящего из милитаризованной и деклассированной мелкой буржуазии, люмпен-пролетариата и недоучек, которое использует страх имущих классов перед большевизмом и социализацией, а также враждебность консерваторов парламентской системе». ⁹²

Все аргументы западногерманских историков не выдерживают критики, они находятся в противоречии с исторической действительностью, в том числе с теми фактами и наблюдениями, которые сами же эти историки вынуждены приводить.

Любое историческое явление следует рассматривать как единое целое, поэтому нельзя отрывать историю фашизма до его прихода к власти от периода фашистской диктатуры. Качественной разницы в характеристике классового содержания фашизма на этих двух этапах не существует. Определение фашизма, данное XIII пленумом ИККИ, не только не отрицает, а наоборот, подчеркивает наличие у фашистского движения, там, где оно получило развитие, массовой базы, состоящей в основном из предста-

⁸⁵ J. Fetscher. Faschismus und Nationalsozialismus, S. 54.

⁸⁶ Там же, стр. 55.

⁸⁷ Там же, стр. 59.

⁸⁸ E. A. R o l o f f. Bürgertum und Nationalsozialismus. . . , S. 18.

⁸⁹ J. Fetscher. Faschismus und Nationalsozialismus. . . , S. 59.

⁹⁰ R. B e c k. Die Geschichte der Weimarer Republik. . . , S. 326.

⁹¹ J. Fetscher. Faschismus und Nationalsozialismus. . . , S. 62.

⁹² Там же.

вителей мелкой буржуазии и деклассированных элементов. Массовая база является, безусловно, одним из основных отличительных признаков фашистской диктатуры по сравнению с другими формами классового господства капитала. Создание же массовой базы в современных условиях невозможно без применения новейших способов и технических средств пропаганды.

Но здесь немедленно возникает вопрос о финансировании фашистской партии, поскольку без огромных финансовых затрат она не могла бы получить в свое распоряжение «современные средства транспорта и связи, автомобиль, самолет, громкоговоритель, радио». Западногерманские историки, подчеркивающие в один голос, что без новейших методов пропаганды гитлеровская партия не стала бы тем, чем она была, должны были бы как раз поэтому признать, что гитлеровская партия не смогла бы превратиться в массовую и прийти к власти без тех денег, которые она получала от своих покровителей.

Откуда же шли эти деньги? Франц-Виллинг, исследовавший, как мы видели, с очень реакционных позиций первые годы истории фашистской партии, констатирует: «Буржуазное общество в Восточной и Центральной Европе, находившееся под угрозой свержения, финансировало под лозунгом борьбы с большевизмом все, что только могло служить вспомогательным войском в борьбе против угрозы собственности со стороны социализма». Поэтому, отмечает Франц-Виллинг, легче ответить на вопрос, кто не финансировал Гитлера, чем кто его финансировал.⁹³

Он указывает на целый ряд источников, из которых денежные средства поступали в кассу НСДАП в самые первые годы ее существования. Это, во-первых, местные баварские капиталисты, чьи имена были известны и раньше — Бештейн, Брукман, Ханфштенгель, Кете Бирбеймер. Не было бы ничего удивительного, если бы в первые годы существования гитлеровской партии, когда она была лишь одной из многочисленных организаций фашистского и полуфашистского типа и распространяла свою деятельность лишь на некоторые районы Баварии (Франц-Виллинг считает, что только в 1922 г. она стала заметным фактором в политической жизни Мюнхена), гитлеровцы и свои финансовые средства черпали только из баварских источников.

Но Франц-Виллинг называет и другие источники. Через своих ближайших помощников тех лет Федера и Шейбнер-Рихтера Гитлер установил связи с «Сименс-Верке», «Реш-Ганиель», дворянскими и церковными кругами, русской белой эмиграцией и т. п.⁹⁴ Общеизвестна финансовая поддержка гитлеровцев в эти годы крупнейшим дельцом инфляционного времени Стайнессом. Франц-Виллинг вынужден признать и то, что средства на покупку

⁹³ G. Franz - Willings. Die Hitlerbewegung, S. 178.

⁹⁴ Там же, стр. 184—187, 191.

в 1920 г. «Фелькишер Beobachter» были получены Гитлером частью от Кете Бирбеймер, а частью — от рейхсвера.⁹⁵ На огромную роль, сыгранную рейхсвером в финансировании гитлеровцев на начальной фазе существования НСДАП, указывает в своей книге Г. Гофман.

Характеризуя силы, способствовавшие подъему гитлеровской партии в период до 1923 г., В. Гёрлиц выделяет четыре основные группы: представители крупной промышленности, видевшие в фашизме средство борьбы с рабочим профсоюзным движением, русская белая эмиграция — гетман Скоропадский, генерал Бискупский и др., пользовавшиеся финансовой поддержкой матери Николая II Марии Федоровны, офицерство и мелкобуржуазные приверженцы, составлявшие массу членов партии. Решающую роль на этом этапе Гёрлиц отводит офицерству.⁹⁶ Можно, наконец, вспомнить, что еще в начале 30-х годов К. Гейден привел немало фактов о финансовой связи крупной промышленности с гитлеровской партией с самого момента ее возникновения.⁹⁷

Что противопоставляет всем этим фактам Франц-Виллинг для спасения своей концепции, отрицающей ответственность крупного капитала за возникновение и подъем фашизма? По сути дела ничего, если не считать бездоказательных утверждений, что не деньги, полученные от предпринимателей, а «идеализм и беспримерный жертвенный дух основателей и старейших приверженцев» были главной движущей силой партии и что «в основном партия должна была финансировать себя за счет обязательных взносов и добровольных пожертвований».⁹⁸ И это говорится применительно к 1923 г., когда инфляция достигла невиданных размеров! Можно ли всерьез утверждать, что фашистская партия содержала свой пропагандистский аппарат, свою прессу и свои штурмовые отряды на членские взносы разорившихся лавочников и безработных, составлявших основную массу ее членов?

Разумеется, нельзя сводить дело только к финансовой поддержке со стороны крупного капитала. Гитлеровская НСДАП была лишь одной из однотипных организаций, существовавших в Германии в 20-х годах и получавших деньги от реакционной буржуазии. Можно вспомнить группы, действовавшие в Северной Германии и долгое время соперничавшие с Гитлером за руководство в фашистском лагере. Можно назвать «Генеральный секретариат для изучения и борьбы с большевизмом» и «Антибольшевистскую лигу»⁹⁹ или общество «Ринг-Бевегунг» Мёллера ван ден

⁹⁵ Там же, стр. 180—181.

⁹⁶ W. G ö r l i t z. Adolf Hitler, SS. 36—40.

⁹⁷ См., например: К. Г е й д е н. История германского фашизма. М.—Л., 1935, стр. 119—120.

⁹⁸ G. F r a n z - W i l l i n g. Die Hitlerbewegung, SS. 178, 198.

⁹⁹ G. A. R e i n. Bonapartismus und Faschismus... S. 30.

Брука,¹⁰⁰ которое, кстати сказать, в 1920 г. устанавливало личный контакт с Гитлером. В том, что не эти группы, а именно НСДАП стала центром фашистского движения, сыграли роль личные качества Гитлера как демагога и организатора, большее умение его и его ближайшего окружения повести за собой обманутые и деморализованные массы.

Но никакая «сильная личность» не способна вызвать к жизни социальное явление, оказавшее влияние на судьбы миллионов людей, если в самом строе общества, в котором она действует, не заложены объективные предпосылки такого явления. То, что во главе фашистской партии и государства оказался именно Гитлер, было случайностью, но она отражала закономерность возникновения фашистского движения в условиях общего кризиса капитализма. Его объективными предпосылками были положение мелкой буржуазии в капиталистическом обществе, делавшее ее восприимчивой к националистической и социальной демагогии фашизма, с одной стороны, и заинтересованность крупного капитала в превращении мелкобуржуазного по составу фашистского движения в опору своего классового господства, с другой стороны. Эта заинтересованность проявлялась в финансировании фашистской партии.

Приведенные выше факты показывают теснейшую связь фашистской партии с крупным капиталом на раннем этапе существования НСДАП, когда, по утверждению Нольте, проявляется подлинный характер движения. Что же, он действительно в полную меру проявился уже в эти годы. В книгах К. Гейдена, Г. Халльгартена,¹⁰¹ а также авторов, чьи работы рассматриваются в данной статье, приводятся многочисленные факты, свидетельствующие о финансовой поддержке гитлеровской партии крупным капиталом и в последующие годы (мы сознательно ссылаемся именно на работы буржуазных историков, приводящих все эти сведения вопреки собственным концепциям). Речь идет не о помощи со стороны отдельных финансовых магнатов, а о связи фашистской партии с широкими кругами крупного капитала. Достаточно назвать совещание Гитлера с 400 предпринимателями Рура в Эссене в апреле 1927 г.¹⁰² или еще более представительные совещания 27 января 1932 г. и 5 января 1933 г.¹⁰³

Совершенно несостоятельно утверждение, будто фашистская элита образовала новый господствующий класс в гитлеровской Германии. Бывший чиновник военной администрации США в Западной Германии Д. Мартин в связи с подобными утверждениями писал: «После того как мы ознакомились с архивами на вилле

¹⁰⁰ H. J. Schwierskott. Artur Moeller. . ., S. 117.

¹⁰¹ G. Hallgarten. Hitler, Reichswehr und Industrie. Frankfurt am/M. 1955.

¹⁰² К. Гейден. История германского фашизма, стр. 184.

¹⁰³ R. В е с k. Die Geschichte der Weimarer Republik. . ., SS. 320—321.

Хюгель и порасспросили Альфреда Круппа и директоров его заводов, от этого впечатления не осталось и следа. Гитлеру и его партии никогда не давали забывать, что своим приходом к власти они обязаны промышленникам и что они смогут добиться успеха только с помощью промышленников». ¹⁰⁴ Не случайно в первые же дни после прихода к власти Гитлер выступил со специальной речью, в которой успокаивал промышленников, заявляя, что он не собирается проводить никаких экспериментов в области экономики. ¹⁰⁵

То обстоятельство, что ряд капиталистов (преимущественно еврейского происхождения) потерял в гитлеровской Германии свои предприятия, а фашистские лидеры (Геринг, Амман и др.) стали владельцами крупных концернов, ничего не меняет в существе капиталистической эксплуатации. Точно так же не меняется сущность капиталистического строя в Германии при Гитлере и от того, что часть полученной от эксплуатации рабочего класса прибавочной стоимости перераспределялась среди фашистской верхушки через партийный и государственный аппарат. Сам Фетшер, защищающий тезис о фашистской элите как новом классе, вынужден, правда только в отношении Италии, признать, что политика фашизма соответствовала интересам крупного капитала. ¹⁰⁶

Одним из наиболее важных вопросов является вопрос об альтернативе фашизму и об ответственности за него класса капиталистов в целом. Было бы ошибкой считать единственной альтернативой пролетарскую революцию. Ни Италия в 1922 г., ни Германия в 1933 г. не стояли непосредственно перед пролетарской революцией. Но именно страх перед такой революцией двигал буржуазией и тогда, когда она в 1918—1919 гг. поддерживала любые реакционные движения, чтобы противостоять «угрозе большевизма», и тогда, когда она в условиях острой классовой борьбы в послевоенной Италии или тяжелейшего экономического кризиса в Германии делала ставку на фашистскую диктатуру, стремясь опередить революционный пролетариат. Стремление разгромить своего классового противника — социалистический рабочий класс — как причину, побуждавшую буржуазию поддерживать фашистскую партию, отмечают и многие западногерманские историки. ¹⁰⁷

Фашизм у власти является диктатурой не всей буржуазии вообще, а «наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала». Ни XIII пленум ИККИ, ни тем более VII конгресс Коминтерна не закрывали глаза на противоречия внутри буржуазного лагеря.

¹⁰⁴ Д. Мартин. Братство бизнеса. М., 1951, стр. 115.

¹⁰⁵ K. D. Bracher, W. Sauer, G. Schulz. Die nationalsozialistische Machtergreifung, S. 630.

¹⁰⁶ J. Fetscher. Faschismus und Nationalsozialismus... , S. 50.

¹⁰⁷ См., например: В. Грунер, Е. Сихер. Weltgeschichte des 20 Jahrhunderts. Stuttgart, 1961, S. 199.

Поэтому конкретизация историками ГДР вопроса о группировках немецкого капитала, непосредственно несущих ответственность за установление фашистской диктатуры, ни в коей мере не является отходом от марксистского определения классовой сущности фашизма. Но ответственность за приход фашистов к власти лежит и на тех кругах монополистической буржуазии, которые непосредственно не участвовали в его подготовке, поскольку и они поддерживали фашизм после 1933 г. и пользовались плодами его диктатуры. Подобно тому как многие современные западногерманские историки видят в «традиционных» формах буржуазно-юнкерского консерватизма, и в частности в монархии, возможную альтернативу фашистскому господству, эти круги буржуазии перед 1933 г. искали пути предотвращения открытой фашистской диктатуры в усилении «традиционно консервативных» методов своего господства — усилении власти президента, отходе от парламентаризма и т. п. Между тем подлинная альтернатива фашизму заключалась в последовательной защите демократии, в объединении всех сил, стремящихся не допустить победы фашизма.

Вопрос о классовой сущности фашизма и об ответственности монополистического капитала имеет отнюдь не только исторический характер. «Хотя оголтелый германский и итальянский фашизм, — подчеркивается в Программе КПСС, — потерпел крах, фашистский режим еще удерживается в одних странах и возрождается в новых формах в ряде других».¹⁰⁸ Зловещим признаком возрождения фашистской угрозы в ФРГ является все большая активность, которую проявляет на западногерманской политической арене неонацистская национал-демократическая партия. Для того чтобы вовремя распознать опасность фашизма, нужно четкое представление о том, откуда такая опасность исходит. Между тем усилия западногерманских буржуазных историков направлены на то, чтобы уйти от правильного ответа на этот вопрос, снять с немецкого монополистического капитала вину за победу фашизма в 1933 г. и усиление реакционных тенденций в ФРГ. Ученик Брахера Г. Кнюттер прямо посвятил свою книгу «Идеологии правого радикализма в послевоенной Германии» попыткам преуменьшить угрозу неонацизма в ФРГ¹⁰⁹ и подменить вопрос о его объективных предпосылках в современной Западной Германии психологическими рассуждениями в стиле концепции «века масс».¹¹⁰

Антикоммунистическая по своему происхождению, антидемократическая по своим проявлениям концепция «века масс» не только не способствует выяснению истинной природы фашизма,

¹⁰⁸ Программа КПСС. М., 1962, стр. 34.

¹⁰⁹ H. Knüttler. Ideologien des Rechtsradikalismus im Nachkriegs-Deutschlands. Eine Studie über die Nachwirkungen des Nationalsozialismus. Bonn, 1961, S. 12.

¹¹⁰ Там же, стр. 132, 187, 190.

но напротив, была создана именно для того, чтобы затемнить его природу. Анткоммунизм уже толкнул однажды в объятия фашизма тех, кто считал себя «демократами». Именно из анткоммунизма, по образному выражению прогрессивного австрийского историка И. Хиндельса, Гитлер черпал свои силы, как миллионер из своих миллионов.¹¹¹ На путях анткоммунизма нельзя добиться успеха ни в изучении фашизма недавнего прошлого, ни в предотвращении угрозы неофашизма в будущем.

¹¹¹ J. H i n d e l s. Hitler war kein Zufall. Ein Beitrag zur Soziologie der Nazibarbarei. Wien, 1962, S. 121.